

Цзюнь Юй стоял с охапкой свежезаготовленных дров.

Сун Сижун держала в руке лопатку для жарки.

Супруги молчали, не зная, как начать разговор.

— Отец, матушка, — встревожился Цзюнь Цюлань, — если что-то случилось, не скрывайте от меня. Мы пережили тяготы ссылки, нет такой беды, с которой мы бы не справились.

— Да ничего особенного, — вздохнула Сун Сижун. — Вань'эр сегодня ходила с деревенскими девушками собирать дикие травы. К одной из них пришёл жених, принёс гостинцы, да только всё время на Вань'эр смотрел. Та девица рассердилась и наговорила ей неприятных слов.

— И Вань'эр, и Сяо Лань уже в том возрасте, когда пора думать о браке, — с горечью добавил Цзюнь Юй, признавая суровую реальность.

Во второй половине года Цзюнь Цюланю предстояла церемония совершеннолетия — ему исполнялось двадцать. По меркам того времени это был уже поздний брак. Обычно сыновей знатных семей начинали сватать в пятнадцать-шестнадцать лет, к семнадцати-восемнадцати играли свадьбу, а к двадцати у них уже вовсю бегали дети.

Когда-то при дворе зашла речь о выборе невесты для наследного принца, но как раз в то время из гарема пришли вести о беременности наложниц. Дальнейшие объяснения были излишни — большинство придворных предпочли занять выжидательную позицию. Родной сын или приёмный — в этом вопросе было слишком много тонкостей, и у каждого сановника, как и у самого императора, были свои соображения. Брачные союзы в императорской семье всегда были делом большой политики.

Так свадьба Цзюнь Цюланя и отложилась.

С Цзюнь Шувань была похожая история. Девушкам из их круга начинали подыскивать женихов в двенадцать-тринадцать лет, чтобы было время присмотреться к характеру будущего зятя. После совершеннолетия, в пятнадцать, объявляли о помолвке, а к семнадцати-восемнадцати выдавали замуж. Но из-за дворцовых интриг, разгоревшихся после беременностей наложниц, они так и не смогли найти для дочери подходящую партию.

Теперь, в этом пограничном городе, о женитьбе Цзюнь Цюланя можно было пока не думать. Он мужчина, главное, чтобы ему нравилась избранница. Они, как будущие свёкор и свекровь, не стали бы притеснять невестку. В крайнем случае юноша мог бы жениться и завести детей в том, другом мире, и они бы его только поддержали, ведь та реальность была так прекрасна.

Но замужество Цзюнь Шувань требовало серьёзных размышлений.

Их положение было двусмысленным. Семьи чиновников не захотят с ними родниться. Купцы вряд ли предложат ей стать главной женой, а отдать дочь в наложницы они не могли — уж лучше бы она осталась незамужней.

Если подумать дальше, то оставались грамотные крестьянские сыновья. Но если такой юноша захочет пройти через государственные экзамены и сделать карьеру, женитьба на Цзюнь Шувань закроет ему этот путь.

Военные? Простые горожане?

Какой бы вариант они ни рассматривали, он казался им неподходящим. И дело было не в высокомерии. Они просто не хотели, чтобы их дочь страдала. Куда бы они её ни отдали, всё казалось им неприемлемым.

Но если быть до конца честными, то они — ссыльные, над головами которых висит дамоклов меч. Кто из этих людей захочет породниться с ними?

Поэтому сегодняшний случай так ранил их обоих.

— Значит, не выйдет замуж, — после долгого молчания твёрдо, хоть и мягко, произнёс Цзюнь Цюлань. — Моя сестра больше не будет страдать.

— Как это — не выйдет замуж? — возразила Сун Сижун.

— Матушка, если бы сестре предложили стать наложницей, вы бы предпочли, чтобы она осталась одна. Но в нашем нынешнем положении, за кого бы она ни вышла, это будет немногим лучше, чем быть наложницей. Ей всё равно придётся прислуживать другим.

Сун Сижун открыла рот, но не нашла, что ответить. Она хотела сказать, что незамужнюю девушку будут осуждать, что без мужа и детей женщина неполноценна, хотела сказать то и это — всё то, что ей внушали на протяжении почти сорока лет. Но сейчас, задумавшись, она поняла: в их ситуации выдать дочь замуж — значит обречь её на лишения. Уж лучше пусть остаётся дома, где она всегда будет их сокровищем.

— Слово с самого рождения над головой каждой девочки незримо висит будущая свекровь, — подхватил Цзюнь Юй. — Будь почтительной и добродетельной, иначе свекрови не угодишь. Будь нежной и скромной, иначе не понравишься... Какое нам дело до того, что понравится чужим людям? — В голосе этого книжника впервые прорезались воинственные нотки. — А если Вань'эр в будущем приглянется какой-нибудь парень, мы с тобой, сын, пойдем и силой приведем его в дом, пусть будет зятем-приёмным.

Цзюнь Цюлань не смог сдержать улыбки.

— В том мире женщины ничем не отличаются от мужчин. Они получают такое же образование, так же работают. Я видел девушек, которые в двадцать пять-двадцать шесть лет ещё не замужем, и они живут прекрасной, полной жизнью.

Взять хотя бы Лю Юэ. Если бы она сама не сказала, Цзюнь Цюлань никогда бы не подумал, что ей двадцать пять. Она рассказала, что окончила университет три года назад, сменила несколько работ, а теперь торгует на рынке, потому что это даёт ей свободу, позволяет обеспечивать себя и оставляет время на то, что ей действительно интересно.

Всё это он узнал сегодня, когда перед возвращением домой воспользовался телефоном и бесплатным вай-фаем, чтобы немного почитать о той реальности, в которой, как выяснилось, не было императора.

Цзюнь Цюлань понимал, что миры разные, нравы и обычаи тоже. Но женщины — они везде женщины.

— Наше положение сейчас вынуждает нас к этому, — сказал он. — Пусть сестра пока побудет дома. Когда дела наладятся, что бы она ни захотела делать, я, как старший брат, всегда её поддержу. К тому же ей всего пятнадцать. Даже если бы у неё был жених, вы бы всё равно не отдали её замуж ещё несколько лет. Так почему бы не отложить этот вопрос, дать ей время освоиться?

Выйдет ли сестра замуж, полюбит ли кого-то, найдёт ли дело по душе — он хотел, чтобы она решила это сама.

— Боюсь только, что её красота привлечёт дурные взгляды, — кивнула Сун Сижун.

Во время ссылки они специально заставляли дочь пачкать лицо и одежду, но даже так она несколько раз подвергалась опасности. Если бы не Сяо Лань, который грудью вставал на её защиту... Теперь, когда они обосновались в пограничном городе, умылись, отъелись, её внешность на фоне местной нищеты слишком бросалась в глаза.

— Не бойся, — сказал Цзюнь Юй. — Наше особое положение — это и опасность, и защита. Простые разбойники, хоть и могут позариться, но побоятся действовать открыто, опасаясь, что у нас остались влиятельные покровители. Как-никак, мы — императорская родня. Хоть и в ссылке, но у нас остались друзья среди знати.

— Я слышал, — задумчиво произнёс Цзюнь Цюлань, — что госпожа Хо пользуется в городе большим уважением. Она каждый год организует женщин для пошива зимней одежды для солдат, помогает нищим и сиротам. Может, нам стоит попробовать найти к ней подход?

Он хотел найти для сестры покровительницу.

— Это мысль, — согласился Цзюнь Юй. — Завтра я наведу справки.

— А я поговорю с Вань'эр, — сказала Сун Сижун.

— Я тоже поищу в том мире информацию, может, найду подходящий «ключ», чтобы нас приняли, — добавил Цзюнь Цюлань.

Их положение было щекотливым, и с ними могли не захотеть связываться. Но что если у них будет весомый аргумент? Им не нужно, чтобы госпожа Хо делала для них что-то особенное. Достаточно, чтобы она взяла Вань'эр к себе, пусть даже на самую простую работу, вроде подачи чая. Это был бы сигнал для всех остальных.

За дверью, сдерживая слёзы, стояла Цзюнь Шувань. Ей несказанно повезло родиться в такой семье. Даже в столице её сверстницы из знатных родов не могли сами решать свою судьбу в вопросах брака. Она уже не была ребёнком и не раз думала о том, за кого ей предстоит выйти замуж в этом суровом краю. Она знала, что родители и брат сделают всё, чтобы найти для неё лучшую партию, но сама мысль о замужестве вызывала у неё тоску.

И вот теперь брат сказал, чтобы она не выходила замуж, а искала свой путь.

Сердце Цзюнь Шувань наполнилось теплом.

Принесённый обед, разогретый на огне, показался ещё вкуснее. Семья мирно поужинала.

На следующий день их маленькая мастерская по изготовлению складных вееров заработала.

Помня о контракте со съёмочной группой, Цзюнь Цюлань рано утром отправился в современный мир. Он снова зашёл в закусочную, чтобы подключиться к беспроводной сети и зарядить телефон. Толстый хозяин, как всегда, был весел и даже угостил его стаканом соевого молока. Цзюнь Цюлань чувствовал, что с тех пор, как он попал сюда, ему встречались только хорошие люди.

— Спасибо, хозяин.

— Да не за что, — махнул рукой тот. — Ты тут сидишь, так проходящие мимо девчонки охотнее заходят завтрак купить.

Явное подтрунивание. На улице в такой ранний час было почти безлюдно.

Зарядив телефон, Цзюнь Цюлань снова принялся искать информацию, в основном касающуюся положения сестры. Разница между двумя эпохами была огромной. Он, конечно, мог бы принести отсюда какие-нибудь диковинные вещи, например стеклянные стаканы. В супермаркете он видел целые наборы, и стоили они недорого — гонорара за день-два съёмки хватило бы на очень приличный комплект.

Но Цзюнь Цюлань решил этого не делать. Ему нужно было что-то более существенное, что-то, что могло бы помочь генералу Хо и его жене. Что бы там ни думал о них император, если бы не генерал Хо, защищавший эту северную границу, конница варваров-жунди давно бы уже топтала их земли. Теперь они тоже жили в этом городе, и в случае войны их судьба зависела от генерала.

Вдохновение он черпал из романов. Попаданцы из будущего в прошлое обычно создавали вещи, которые можно было изготовить в ту эпоху, по крайней мере, с некоторыми усилиями.

Он искал всё утро, и у него появились кое-какие идеи, но времени на детальное изучение не было — закусочная стала наполняться посетителями, и ему было неудобно засиживаться.

Но булочки у этого хозяина были просто восхитительны — мягкие, ароматные и сладкие. Оглядев витрину, Цзюнь Цюлань потратил пять юаней на маленькие булочки с начинкой. Не для себя.

Он вернулся в переулок и передал гостинец домой. Но когда он снова оказался в современном мире, его сердце ушло в пятки.

Переулок выходил на улицу, где ночью располагался рынок. Днём здесь было немногочленно, и по ней проезжали машины. Произошла авария.

<http://bllate.org/book/15876/1440379>